

В чем смысл «национального» в российской дискуссии о национальных интересах?

Аналитическая записка № 414
ПОНАРС Евразия
Январь 2016 года

Вячеслав Морозов
Тартуский университет (Эстония)

Размышляя об особенностях российской дискуссии о национальных интересах, известный политический аналитик Глеб Павловский не так давно [заметил](#):

...Национальные интересы России сегодня лишены центров разработки и политически строгой терминологии. То, что пишут по этой теме – беллетристика, часто политически безответственная. Мы слышим сказки о всемогуществе с указанием другим странам, что те лишь мишень для наших «Искандеров».

Павловскому не откажешь в наблюдательности, и его статья указывает на серьезную проблему. Я полагаю, однако, что его диагноз не вполне точен. Проблема состоит не в отсутствии правильного определения национальных интересов или институтов, которые позволили бы российскому обществу выработать такое определение в ходе открытой, демократической дискуссии. Ее корни нужно искать глубже.

Само понятие «национального» принимает в России довольно своеобразную форму. Интеллектуальные и политические элиты упорно не желают принимать во внимание заботы и ожидания «низов» и вместо этого продолжают увлеченно обсуждать «вечные вопросы»: является ли Россия европейской страной? Готовы ли россияне к демократии западного типа, и если нет, то будут ли когда-нибудь готовы? Можно ли считать Россию нормальной страной, и если нет, то радоваться этому или стыдиться?

Иными словами, внимание практически всех участники дискуссии о национальных интересах сосредоточено не на внутреннем развитии страны, а на ее глобальном статусе, в особенности по сравнению с Западом. Такова универсальная тенденция, одинаково характерная для правительства и оппозиции, для националистов и либералов. Причины этого явления следует искать в типичной для России и многих других стран модели догоняющего развития. Чтобы разорвать порочный круг, в котором за прозападной модернизацией неизбежно следует националистическая реакция, необходима новая

политическая повестка дня, в которой на первом плане оказались бы внутренние вопросы и интересы народа.

Стойкость как национальная идея?

Павловский подчеркивает, что в официальных заявлениях о российских национальных интересах вопросы статуса и внешнего признания преобладают по отношению к содержательным темам. В самом деле, российское руководство, включая президента Владимира Путина и премьер-министра Дмитрия Медведева, упорно настаивает, что диалог по каким бы то ни было конкретным вопросам, касающимся, например, будущего системы европейской безопасности, возможен только после того, как «партнеры» согласятся уважать российские национальные интересы. Так, на заседании Совета национальной безопасности в июле 2015 года, специально созванном для обсуждения национальных интересов в условиях санкций, Путин заявил: «Мы ... не торгуем своим суверенитетом». Спротивление давлению со стороны Запада – безусловный приоритет для Кремля, тогда как экономическую политику приходится подгонять под императивы, вытекающие из внешнеполитической конфронтации.

Тот же образ мысли характерен и для более широкой общественной дискуссии вокруг конфликта с Украиной, а в последние месяцы также и вокруг сирийской кампании. В публичном поле доминируют призывы «не сдаваться и идти до конца», однако совершенно не ясно, что именно ждет Россию в конце этого пути. Сторонники бескомпромиссной внешней политики не считают нужным даже намекнуть, что Россия, по их мнению, могла бы выиграть от следования данным курсом, кроме, опять-таки, уважения со стороны внешнего мира, и Запада прежде всего.

Агрессивное антизападничество было одним из важнейших факторов, способствовавших принятию решения аннексировать Крым в ответ на события, которые выглядели из Москвы как очередной «оранжевый» переворот, организованный Вашингтоном. Этот шаг сплотил нацию (за исключением либерального меньшинства) и как таковой может быть истолкован как достижение в борьбе за национальные интересы, в той или иной их интерпретации. Однако нарушение территориальной целостности соседнего государства привело к изоляции России, последствия которой сказались на благосостоянии всего населения.

Зайдя в тупик в конфликте с Украиной, Кремль не нашел ничего лучше, чем отвлечь внимание общественности от одной войны, начав другую. Как и в Украине, российские интересы в Сирии определяются преимущественно через призму противостояния с Западом. Заявленная цель – нанести поражение «Исламскому государству» – до сих пор не переведена на язык конкретных задач; масштаб финансовых ресурсов, необходимых для осуществления операции, бы явно недооценен.

Растущая инфляция и другие негативные экономические и социальные последствия «возвращения» Крыма и интервенции в Сирии едва ли заставят россиян сожалеть о любом из этих внешнеполитических шагов, но с большой вероятностью приведут к появлению

новых социальных конфликтов. Подобная внешняя политика может расцениваться как успешная только с точки зрения очень узкого определения национальных интересов как игры с нулевой суммой против Запада – игры, в которой статус значит гораздо больше, чем качество жизни.

С одной стороны, существует обширная литература, доказывающая значимость статуса и признания как движущих сил мировой политики. Государства довольно часто ставят на кон собственное существование в погоне за «онтологической безопасностью», то есть чувством уверенности в собственной идентичности и достойном положении в мировом сообществе. С другой стороны, столь полное пренебрежение внутренними вопросами жизни общества при выработке политического курса заслуживает пристального внимания.

Традиционализм без традиции

Недавний консервативный поворот в российской политике можно на первый взгляд счесть свидетельством того, что Россия наконец-то отыскала собственную содержательную повестку дня. После возвращения Путина в Кремль в 2012 году были переформулированы ключевые социальные приоритеты, включая поддержку традиционных семейных ценностей, уважение к религии и укрепление позиций русского языка и культуры. Предполагается, что эта политика, наряду с поощрением общенационального культа победы над фашизмом, будет способствовать укреплению «духовных скреп», которые, согласно Путину, помогут национальному сплочению.

Вместе с тем, достижение этих, казалось бы, позитивных целей требует политических мер, имеющих почти исключительно негативный и репрессивный характер. Поддержка традиционных семейных ценностей превращается в призывы (отчасти уже ставшие законами) запретить «пропаганду гомосексуализма» и усыновление иностранцами или однополыми семьями, ограничить аборты, повысить пошлину за регистрацию развода. Уважение к религии ведет к криминализации «оскорбления религиозных чувств. Память о жертвах, принесенных на алтарь победы над нацизмом, используется как оружие против «фальсификаторов истории». Поддержка русского языка и культуры не ограничивается ограничениями против голливудских фильмов: она порождает репрессии против любых современных художественных течений, вызывающих раздражение у невзыскательного массового потребителя.

В конечном итоге весь консервативный поворот сводится к атаке на «пятую колонну». Этот ярлык навешивают на всех «отступников» – на «Pussy Riot», НГО, либеральных интеллектуалов, исследователей, получающих иностранное финансирование. Всех их скопом обвиняют в предательстве подлинных российских ценностей и переходе на сторону Запада, стремящегося эти ценности разрушить. Однако сами ценности как таковые все время отступают на задний план перед лицом грандиозного сражения с силами зла. Для сторонников режима, к какому бы лагерю они ни принадлежали, национальные интересы сводятся к противостоянию западному влиянию.

Высокомерие либерального космополитизма

Отсутствие содержательного интереса к проблематике национальных интересов еще более очевидно на противоположном краю политического спектра. Российские либеральные интеллектуалы гордятся своим космополитическим мировоззрением; некоторые из них с презрением отменяют саму идею национального интереса. С точки зрения либералов абсолютные и бесспорные нормы социального устройства заданы Западом; национальная задача России, постольку, поскольку об этом вообще стоит говорить, определяется лозунгом «Go West» (именно так, по-английски, озаглавлена [статья](#) Михаила Ходорковского о национальных интересах России).

Космополитизм принято считать достойной доктриной, призывающей оставить в прошлом узколюбый национализм и задуматься об интересах человечества как единого целого. Однако общечеловеческие интересы отнюдь не являются чем-то самоочевидным. Любая универсальная идея, будь то рынок или демократия, может существовать только в многообразии локальных форм, отражающих реальные условия жизни конкретных людей. В России – полупериферийной страны, чьи социально-экономические структуры делают ее непохожей на типичные рыночные демократии, – система управления и характер реформ должны иметь определенное своеобразие. Один из печальных уроков постсоветских реформ состоит в том, что механическое введение рыночных правил взамен ресурсно-ориентированной плановой экономики ведет не к свободному рынку и демократии, а к коррумпированному и авторитарному государственному капитализму.

Следовательно, ценности, которые пытается продвигать либеральная оппозиция, должны прежде всего иметь смысл в местном политическом и культурном контексте. Защита прав сексуальных меньшинств или свободы слова в стране, подобной России, – дело благородное и, несомненно, важное. Однако до тех пор, пока эти задачи обосновываются лишь ссылками на универсальные нормы, без увязки с повседневными заботами людей, большинство россиян будут продолжать думать, что их навязывает Запад. Российская оппозиция должна суметь доказать простым россиянам, что неуважение к индивидуальным правам и ограничение политических свобод являются одной из причин перебоев с отоплением, чрезмерной платы за место в детском саду или закрытия сельского медпункта.

Нельзя сказать, чтобы лидеры оппозиции не пытались делать чего-то подобного, но эти усилия никак нельзя назвать последовательными. «Креативный класс» в целом скорее движется в противоположном направлении. Потрясенная массовой поддержкой авторитарного режима и, в особенности, ура-патриотической волной по поводу аннексии Крыма, интеллигенция ведет себя так же, как вела всегда, начиная с середины XIX века – пытаясь дистанцироваться от простого народа. Эта отчужденность проявляется по-разному: в использовании презрительных ярлыков применительно к сторонникам режима, в непрекращающейся дискуссии об эмиграции, и чаще всего – в отказе от высказывания своей политической позиции за пределами узкого круга друзей.

Еще одна возможность отмежеваться от народа, как ни парадоксально, состоит в поддержке режима. Подобно Пушкину, многие образованные россияне сегодня, пусть и с неохотой, соглашаются признать правительство «единственным европейцем» в стране, где авторитаризм остается последним средством предотвращения «русского бунта – бессмысленного и беспощадного». Хотя такая позиция понятна с психологической точки зрения, она ведет к отказу от главной миссии интеллектуалов – критической переоценки важнейших вопросов, от решения которых зависит как внутреннее благополучие и единство нации, так и будущее страны на международной арене.

Народная интеллигенция: не только клише из прошлого

В России, безусловно, существуют политические силы, ориентированные прежде всего на решение внутренних проблем. Радикальные националисты ставят на первое место интересы русского народа. Некоторые из них могут оказаться способны преодолеть примитивное антизападничество и выступить с лозунгами, имеющими подлинно национальный характер. Националисты, однако, исключают из понятия народа значительную часть россиян, что неизбежно ведет к ксенофобии и расколу в обществе.

Среди более умеренных политиков интересен пример Алексея Навального, который неоднократно пытался играть на поле националистов – в частности, соединяя демократическую риторику с националистической. Остальные оппозиционеры относятся к подобным экспериментам с недоверием или даже с презрением. Заигрывание с расистскими идеологиями, конечно, опасно, но в то же время нельзя не считаться с серьезной озабоченностью, которую рост числа мигрантов вызывает у подавляющего большинства россиян. Похожий пример из другой области представляет собой волна возмущения, вызванная уничтожением «незаконно» ввезенного продовольствия. Противники Путина пытались заработать на этой волне политический капитал, однако не смогли увязать этот вопрос с другими, прежде всего с неуверенностью в завтрашнем дне в условиях углубляющегося экономического спада.

Демократическая оппозиция должна активно участвовать в конструктивном обсуждении этих и других подобных вопросов. Более того, это обсуждение должно быть частью глобальной дискуссии с участием западных политиков и интеллектуалов. Игнорируя мнение «низов», даже когда это мнение не вызывает симпатии, оппозиционеры не только лишают России надежды на демократическую трансформацию, но и компрометируют либеральную идею как таковую. Когда у людей создается впечатление, что с их справедливыми требованиями не считаются по причине их несоответствия абстрактным нормам, люди скорее отвергнут нормы, чем откажутся от своих требований.

Одинокие попытки переформулировать политическую дискуссию в национальных терминах, вызывающие пренебрежение у образованного сословия, не могут компенсировать отсутствия серьезной дискуссии о будущих реформах. При том, что практически вся мыслящая и пишущая Россия согласна с неизбежностью реформ в более или менее отдаленном будущем, большинство рецептов выхода из тупика остаются в

рамках логики «демократических транзитов», не учитывая структурной специфики российской модели. В условиях, когда десятилетия существования в условиях погони за рентой и тотальной коррупции оставили глубокий отпечаток на всем обществе, излишек космополитизма в мировоззрении элит может дорого обойтись России в будущем, особенно если поле демократической политики останется в распоряжении радикалов.

Даже если столь полное преобладание внешнего над внутренним составляет уникальную особенность России, сама по себе эта проблема не уникальна. Антонио Грамши исследовал похожие закономерности в своих работах по итальянской истории и политике. Грамши считал, что космополитизм итальянских интеллектуалов, обусловленный периферийным положением страны в капиталистической Европе, стал причиной их невнимания к задачам национального строительства и политического объединения. Наблюдения Грамши применимы не только к Италии, но и к другим «бедным родственникам» европейской цивилизации, таким как Россия, Турция и Южная Америка.

Как и другие подобные страны, Россия страдает от фундаментального разрыва в механизме политической репрезентации. Задача превращения плебса в народ – политический субъект, определяющий собственное будущее, – задает суть демократической политики. Как показал Грамши, эта задача не может быть доверена никакой системе институтов, сколь бы прогрессивной та ни была. Чтобы услышать глас народа, необходима упорная творческая работа, в которой по определению состоит миссия интеллектуального сословия. Российская интеллигенция, если она хочет быть достойной этого звания, должна покинуть башню из слоновой кости и научиться говорить от имени народа.

**Elliott School of
International Affairs**

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org